

Внезапная помолвка

Автор:

[Лара Темпл](#)

Внезапная помолвка

Лара Темпл

Исторический роман – Harlequin #92

Софи Тревелиан, дочь провинциального викария, гостит в Лондоне у богатой тетушки. Прогуливаясь в парке, Софи знакомится с Максом Харкотом, за холодность прозванным в свете «суровым герцогом». Макс сразу понял, что мисс Тревелиан весьма неординарная особа. Ее открытость и жажда жизни пробуждают в нем непреодолимое влечение. Узнав, что Софи талантливая художница, Харкот вызывается сопроводить ее на выставку в Королевскую академию. Появление герцога в свете с молодой незнакомкой не остается незамеченным. Барон Уивенхо, желая отомстить давнему сопернику за старые обиды, пытается оскорбить девушку. Макс неожиданно для себя во всеуслышание заявляет, что Софи – его невеста...

Лара Темпл

Внезапная помолвка

Lara Temple

The Duke's Unexpected Bride

© 2017 by Ilana Treston

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

Лондон, лето 1819 года

Софи внимательно оглядела свою жертву. Жирный мопс лежал посередине огромной зеленой бархатной подушки, занимавшей самое лучшее место у камина в малой гостиной леди Минни, которую втайне от хозяйки дома называли гостиной Мармадюка.

– Мы здесь одни, Мармадюк, и я не отступлю.

Никакой реакции. Грузное тельце даже не шелохнулось. Софи знала, что пес не спит, потому что он лежал с открытыми глазами. Однако, судя по их жабьему взгляду, неподвижно устремленному на обои, расписанные красно-золотым узором, и недружелюбно повернутому в ее сторону задом, он, похоже, пребывал в нирване.

– Все очень просто, Дюк. Или ты пойдешь со мной на прогулку, как прописал доктор, или тетя Минни посадит меня в первый же экипаж до Эштон-Коув, и мне придется отправиться домой. А я совсем не хочу домой. Возможно, для Августы или Мэри это был сущий ад, но для меня – даже если я не смогу познакомиться с Лондоном – настоящее блаженство побыть одной. Никто меня не критикует и ничего от меня не ждет, если не считать, конечно, ежедневного сеанса чтения вслух. Ты, очевидно, не имеешь ни малейшего представления, что значит жить в маленьком домике с девятью родственниками, не говоря уже о папиных прихожанах, большинство из которых убеждены, что я слабоумное дитя, тайно подброшенное в дом эльфами. Теперь ты понимаешь, почему мне нужна твоя

помощь?

Пес приоткрыл пасть и высунул розовый язык. Софи знала, что он понятия не имеет, о чем она говорит, и едва ли мог смеяться над ней, если собаки вообще умеют смеяться. Честно говоря, она сама могла бы посмеяться над собой, если бы все не было так грустно. Когда настала ее очередь ехать в лондонский дом тети Минервы Хантли, она пришла в неопиcуемый восторг, несмотря на жуткие рассказы старших сестер и братьев об их пребывании в Лондоне. Им запрещалось ходить дальше парка на противоположной стороне улицы, разговаривать с кем бы то ни было, кроме слуг. В то время как в остальной части дома тети Мин-ни что-то праздновали, они должны были довольствоваться скудной едой у себя в комнатах и уже через несколько дней отправлялись назад домой. Ни один из них не продержался здесь дольше недели. И ни одному из них, даже кузену Артуру, не удалось поладить с Мармадюком.

Ламбет, исполненный сочувствия дворецкий тети Минни, сообщил Софи, что два других, не столь любимых мопса из тетушкиного зверинца вполне покладисты, но ни один человек в доме не смеет приближаться к Мармадюку из-за его способности издавать такие душераздирающие звуки, что последний слуга, попытавшийся вывести его на прогулку, был немедленно уволен. Софи понимала, насколько ничтожны ее шансы, но помимо своих собственных соображений она действительно считала, что прогулка пойдет Мармадюку на пользу.

– Я не хочу сказать, что ненавижу Эштон-Коув, Дюк, – пояснила она, глядя на круглый зад Мармадюка. – Но факт есть факт. Я не особенно нужна своей семье. Августа постоянно твердит, что единственная польза от меня в папином приходе – это мое умение ладить с чудаками и животными, поскольку у нас много общего, но даже это не извиняет моих странностей. Теперь я здесь, в Лондоне, в обществе собаки и чудачки затворницы – да простит меня тетя Минни – и ничего не могу добиться. Если бы ты сделал над собой хотя бы маленькое усилие, я смогла бы доказать, что от меня есть прок. Если мне удастся доказать тете Минни, что я действительно помогаю тебе выполнять предписания доктора, я смогу еще немного пожить здесь и, возможно, даже посмотреть город. Что скажешь, мой маленький герцог?[1 - Дюк (лат.) – герцог.] Всего лишь небольшая прогулка? Обещаю, Дюк, будет весело!

Мармадюк и ухом не повел.

Софи умолкла, глядя на этого будду собачьего племени. Очевидно, одних слов было недостаточно. Затаив дыхание, Софи решительно подняла собаку с подушки и, выйдя в коридор, стремительно двинулась к входной двери. Ее действия, сравнимые с самыми неожиданными атаками Веллингтона, привели Мармадюка в такое замешательство, что он никак не проявил себя, даже когда она перешла оживленную улицу и вошла в парк. Отойдя на безопасное расстояние, Софи привязала прочный шнур к бархатному банту на шее мопса и опустила своего пленника на траву. Пес уставился на нее выпученными глазами. Потом нехотя окинул взглядом парк: стайку голубей на гравийной дорожке, чуть дальше няню с двумя детьми, деревья, покачивающиеся на весеннем ветру.

– Вот видишь? Все не так плохо, верно? – ободряюще сказала Софи, и была вознаграждена низким рыком, когда какой-то голубь подошел слишком близко.

Мармадюк поднялся на лапы, и голубь, расправив крылья, взмыл вверх. Этого оказалось достаточно, чтобы Мармадюк, которого Софи ни разу не видела перемещавшимся за один прием более чем на ярд – как правило, от подушки до его серебряной миски с едой, – доказал, что способен двигаться очень быстро. Софи засмеялась и, крепче сжав шнур, поспешила за своим дородным подопечным, вознамерившимся очистить парк от пернатых всех разновидностей. Через десять минут этих упражнений он уже еле ковылял с высунутым языком. Софи решила, что на сегодня хватит. Она снова подхватила мопса и направилась назад, в сторону Хантли-Хаус.

Мармадюк так доверчиво и уютно, слегка посапывая, лежал у нее на руках, что девушка никак не могла заподозрить, что тот замыслил проделку. Но как только они перешли улицу, пес заметил у бордюра еще одну птицу и, мощным прыжком вырвавшись из рук Софи, ринулся в погоню. От неожиданности Софи даже не смогла удержать в руках шнур и с изумлением смотрела, как тот волочится за Мармадюком.

Преодолев изумление, Софи бросилась за собакой.

– Дюк! Стоять! – громко крикнула она, больше с надеждой, чем с уверенностью.

Но хотя Мармадюк не обратил на нее внимания, пара, шедшая впереди, резко остановилась, и мопс уткнулся в сапоги мужчины. Для Софи этого оказалось достаточно. Прежде чем пес пришел в себя, она схватила болтавшийся шнур и

обернула его вокруг запястья.

– Вот так-то, коварный маленький диктатор! Возвращайтесь на Святую Елену. Если такова ваша благодарность, то это последний раз, что я беру вас на прогулку!

Мармадюк бросил на нее высокомерный взгляд и, опустив голову, принялся обнюхивать сапоги, ставшие причиной его поражения.

Софи подняла глаза и направила извиняющийся взгляд на молодую пару, ставшую ее невольным союзником.

– Простите, ради бога, и огромное спасибо, что вы его остановили. Тетя Минерва никогда не простила бы мне, если бы он убежал. Он ее любимец, хотя я не понимаю почему. Большую часть времени он ничего не делает, просто лежит на своей подушке и смотрит в стену. До сегодняшнего дня я даже не подозревала, что он способен на такую прыть. – Софи взглянула на своего обидчика. – По правде сказать, ты проявил поразительную силу духа, Мармадюк. Но, пожалуй, все вместе оказалось немного чересчур. Лучше, если прогресс будет постепенным, тебе не кажется?

Поначалу темноволосая женщина, одетая в эффектное синее прогулочное платье с серебристой отделкой и модную шляпку, отороченную сиреневым шелком, выглядела слегка шокированной. Но потом она посмотрела на своего спутника и хохотнула весьма неподобающим для столь элегантной особы образом.

Софи невольно проследила за ее взглядом, и у нее возникло ощущение, что она стоит перед безупречно выполненной статуей античного воина. Все в нем дышало властной непреклонностью, а его фигура могла бы украсить портал храма какого-нибудь воинственного божества. Мужчина стоял неподвижно, и только его пронзительные темно-серые глаза на секунду задержались на Софи. На мгновение память перенесла ее в ту давнюю ночь, когда она, заблудившись в парке кузенов Корнишей в Сент-Ив, налетела на статую римского бога Марса и застыла перед озаренным луной суровым полуобнаженным богом войны.

Мужчина слегка поклонился.

– Все в порядке, – медленно произнес он низким голосом, в котором сквозило сдерживаемое нетерпение. – Мы рады, что смогли помочь. Однако я полагаю, кожаный поводок был бы надежнее этой веревочки.

Софи встряхнулась и, запинаясь, произнесла:

– Я знаю, но тетя Минни не видит смысла выходить из дому и отказывается покупать поводок. И это очень печально, поскольку ему действительно нужно двигаться. Только посмотрите на этого беднягу!

Они взглянули на Мармадюка, который успел сесть и теперь походил на небольшой валун. Его розовый язык свесился из улыбающейся пасти, и суровая непреклонность в лице мужчины невольно сменилась легкой улыбкой. Очень симпатичной улыбкой, отметила Софи.

– Не уверен, что его можно назвать беднягой. По-моему, он выглядит донельзя избалованным. Кстати, тетя Минни – это, случаем, не леди Ми-нерва Хантли?

– Да. Вы ее знаете?

Мужчина и женщина переглянулись, и молчаливое взаимопонимание, читавшееся в их смеющихся взглядах, вызвало у Софи непривычный укол зависти. Эти двое наверняка очень любят друг друга.

– Не совсем, – ответила женщина. – Сейчас она почти никуда не выходит. Но мы часто видели ее, когда были детьми, еще до того, как умер лорд Хантли. Она всегда выглядела очень величественно. Вы живете у нее?

– Да, я ее племянница и самый последний из ее домашних питомцев.

Серые глаза дамы сверкнули смехом.

– Питомцев?

Софи вспыхнула, осознав свой промах. От неожиданности она снова позволила себе выйти за рамки общепринятой светской беседы, что всегда заставляло морщиться ее родителей.

– С моей стороны ужасно говорить такие вещи, верно? На самом деле она по-своему добра. Еще раз благодарю вас, но я должна вернуть Мармадюка домой, пока нас не хватились. Всего хорошего!

Софи улыбнулась и, натянув поводок, повернулась в сторону Хантли-Хаус, но Мармадюк, похоже, истратил всю энергию, отпущенную ему на этот день, и позволил оттащить себя всего на несколько дюймов. На мгновение воцарилась неловкая тишина, и Софи почувствовала, как краска бросилась ей в лицо. Она быстро нагнулась и подхватила собаку на руки.

– Ты просто скопище противоречий, Дюк. И не надейся обмануть меня своим невинным взглядом! – сообщила она ему и, напоследок кивнув молодой паре, направилась в сторону Хантли-Хаус.

Но уже в следующий момент зажмурила глаза, поняв, насколько нелепо, должно быть, выглядела в глазах этих красивых, элегантных молодых людей, которые, без сомнения, смеялись у нее за спиной. Одна радость, что родители не видели, как предсказуемо она оконфузилась при первом же столкновении с людьми за пределами владений тети Минни.

Но не стоит огорчаться: маловероятно, что она когда-нибудь встретится с ними снова. Софи крепче прижала к себе Мармадюка. Его частое сопение действовало успокаивающе. По крайней мере, сегодня ей удалось сделать кое-что полезное. Пусть даже только для мопса.

Глава 2

Макс смотрел вслед молодой женщине, пока она не скрылась за дверью соседнего дома, а потом перевел на сестру взгляд, в котором еще читался отблеск удивления.

– Вот еще одно подтверждение тому, что безумие передается по наследству, Хетти.

Его сестра снова засмеялась и покачала головой, после чего они продолжили свой путь в сторону Брук-стрит.

– Чепуха, Макс. Я уверена, что эта девушка, как и леди Хантли, безумна не больше, чем я. Леди Хантли просто получает удовольствие от того, что ее считают затворницей и чудачкой. Судя по тому, что мне известно от моей горничной, она в курсе всех лондонских сплетен. А эта молодая женщина, скорее всего, просто умирает от скуки, поэтому рада поговорить с кем угодно. Наверное, она очередная родственница, которую прислали прислуживать леди Хантли. Похоже, у этой дамы самое большое количество кузенов и других бедных родственников, какое мне доводилось встречать. Даже при ее состоянии, если ей когда-нибудь придется поделить его между ними, каждый получит лишь жалкую милостыню.

– Возможно, эта последняя надеется, что собаки безумной Минни помогут ей заслужить большой кусок пирога. Она выглядела вполне довольной, разговаривая с этой... собакой, если его можно так назвать. Девушке почти удалось убедить меня в том, что пес понимает, о чем она говорит.

– Какой же ты скептик, Макс. Не сомневаюсь, что и я дошла бы до разговоров с собакой, если бы мне пришлось прожить в том доме больше одного дня. Я слышала, что иногда леди Хантли вообще не разговаривает со своими родственниками, просто передает им приказы через дворецкого. А одного из них она отправила ночью в почтовой карете, предупредив об этом всего за двадцать минут до отъезда! Не могу себе представить, что случилось бы с этой бедной девочкой, если бы она потеряла любимого мопса безумной Минни.

– Возможно, ее заперли бы в подвале, или даже хуже. Но я думаю, она была бы рада, если бы ее выставили, пусть даже в ночной почтовой карете. К тому же она вовсе не ребенок. Я бы дал ей года двадцать три – двадцать четыре.

Хетти фыркнула самым неприличным образом.

– Конечно, я не стану спорить с таким знатоком женщин. Ты уверен, что не сможешь определить ее возраст более точно? Или она недостаточно красива, чтобы удостоиться твоего внимания?

– Не ехидничай, Хетти. Она выглядит вполне сносно, но я не любитель бойких сельских барышень, даже если они обладают бесспорной оригинальностью. Они слишком утомительны.

Хетти вздохнула:

– Ты не любитель никаких, дорогой мой Макс. Пожалуйста, когда мы доберемся до леди Кармайкл, постарайся держаться более доброжелательно. И она, и леди Пенни не знают, что делать с твоими язвительными замечаниями. Так что веди себя хорошо!

Макс заставил себя воздержаться от одного из таких замечаний в адрес очередной избранницы своей сестры, которую она прочила ему в жены. Ему и правда не мешало научиться держать их при себе. В конце концов, он говорил с леди Пенни всего один раз на том невероятно скучном приеме в клубе «Олмак». Едва ли ему следовало удивляться, что все ее слова оказались образцом той пустой ерунды, которую ждут от молодых женщин в подобных обстоятельствах. И если быть честным, то, как и обещала Хетти, она оказалась хорошенькой, милой и скромной женщиной из прекрасной семьи. Она хорошо подходила на роль герцогини Харкот и матери его наследников. А если она действительно окажется слишком нудной, то, по словам Хетти, в запасе имелись еще три кандидатуры.

Но главное, Макс должен был показать Хетти, что он благодарен ей за желание помочь ему выполнить обещание, о котором он так сожалел, но от которого не мог отказаться. Мысль о том, что ему придется самостоятельно пройти сквозь строй дебютанток и других готовых к замужеству женщин, пугала его больше, чем все военные кампании, в которых он когда-либо участвовал. Он бы предпочел снова встретиться с Наполеоном, лишь бы не участвовать в нескончаемой череде приемов, устраиваемых по средам в клубе «Олмак». И это означало, что он нуждался в помощи Хетти. Из его пяти сестер Хетти больше всех любила светскую жизнь и до своего замужества шесть лет назад знала все знатные семейства Лондона.

– Сегодня мне уже дважды пришлось выполнять команду «стоять», Хетти. Пожалей меня, – с грустной улыбкой ответил Макс.

Хетти засмеялась:

– Это и правда было забавно! Ей ведь действительно удалось остановить герцога, хотя это был ты, а не мопс. Если мне когда-нибудь понадобится поставить тебя на место, я расскажу твоим друзьям эту историю. К тебе все относятся слишком серьезно.

– Если ты это сделаешь, мне придется припомнить какую-нибудь из твоих детских проделок, – предупредил Макс. – Они были достаточно впечатляющими, однако сравнить разжиревшего мопса с Наполеоном – это уже слишком. Эта странная девушка, видимо, совсем незнакома с жизнью в городе, если так разговаривает с незнакомыми людьми. Боюсь, она наживет себе неприятностей.

Хетти дождалась, когда они перешли на другую сторону Маунт-стрит, прежде чем ответить.

– А мне ее жаль. Похоже, ей очень хотелось поговорить. Возможно, мне следует познакомиться с ней, пока я в городе. Ты знаешь, я всегда хотела найти предлог, чтобы проникнуть в мавзолей Хантли.

Макс улыбнулся сестре:

– У тебя доброе сердце, Хетти. Но ты помнишь, что случилось с нашей матерью, когда она решила навестить безумную Минни после смерти лорда Хантли? Ты уверена, что хочешь рискнуть получить такой же отпор?

– О, это было много лет назад. И потом, у мамы никогда не было ни малейшего представления ни о такте, ни о сочувствии, поэтому я ничуть не удивлена, что ее попросили убраться. Ты просто боишься безумную Минни.

Они остановились перед шикарным домом на углу Брук-стрит, и Макс обреченно вздохнул.

– Честно говоря, я предпочел бы провести этот вечер у безумной Минни, а не у леди Кармайл. Я очень жалею, что пообещал отцу жениться в течение десяти лет. В то время тридцать один год казался мне чем-то чертовски далеким, а обещание выглядело разумной ценой за позволение отправиться к Веллингтону в Испанию.

Хетти задумалась.

– Мне кажется, он разрешил бы тебе это даже без твоего обещания. Я знаю, что значил для папы Харкот, но он был привержен долгу и не видел ничего плохого в твоем желании послужить своей стране. Ему просто хотелось иметь уверенность в том, что ты в конце концов женишься. Думаю, он боялся, что ты можешь отказаться... после того, что произошло с Сереной.

Макс невольно напрягся, и сестра умолкла.

– Извини, я не должна была ее упоминать, – сокрушенно сказала она.

Он пожал плечами, стараясь сбросить напряжение, которое всегда охватывало его, когда что-то напоминало ему о Серене. Макс с радостью отдал бы большую часть своего состояния за чудодейственное средство, которое позволило бы ему вычеркнуть тот год из своей жизни. Отец со свойственной ему твердостью предпринял одну из своих странных попыток проявить отцовские чувства и поддержать его, предложив банальный афоризм «время лечит». Но хотя время притупило боль, чувство вины и другие эмоции, от которых он старался бежать, погрузившись в ужас войны, Макс не чувствовал, что излечился. Он только заглушил боль.

Он едва помнил тот восторг, который зажгла в нем красота и живость Серены. Более сильными оказались чувства, которые постепенно пришли им на смену: смущение, сожаление, беспомощность. Ненависть. Та женщина, определенно, расширила его эмоциональные горизонты. И каждый раз, когда что-то вызывало Серену в его памяти, Макс невольно вздрагивал и чувство вины возвращалось, подтверждая, что сгусток яда в его душе по-прежнему не рассосался. Эта мысль заставила его поморщиться.

– Это было так давно. Кажется, что это было не со мной. А что до отца и его мотивов, то меня слишком сильно поразило его согласие разрешить мне ехать в Испанию, чтобы оспаривать его требования.

– Ты знаешь, что не обязан жениться, если не хочешь этого. Я хочу сказать... он наверняка не стал бы ждать, что ты сдержишь обещание, если для тебя это... – Хетти встретила взглядом с братом и осеклась. – О, мой дорогой, конечно, он ждал. Бедный папа. Но он умер, а значит... – Она снова замолчала. – Я забыла, с

кем говорю. Конечно, ты его сдержишь.

Макс заставил себя улыбнуться. Он был бы рад не сдержать свое обещание, как предлагала сестра, но достаточно хорошо знал себя и понимал, что не станет этого делать. Ведь это не пустые слова, брошенные невзначай. И хотя он никогда не был особенно близок с отцом, предыдущий герцог Харкот хорошо позаботился о том, чтобы внушить сыну понимание обязанностей в отношении своего положения и тех людей, которые от них зависели. Отец позволил ему рисковать своей жизнью в армии, поскольку понимал, что Максиму необходимо вырваться из обстановки, в которой он оказался после своей трагедии. Но он ясно дал понять, что любая побрякка имеет свою цену, и выбрал именно такую.

По правде сказать, Макс не мог считать поступок отца несправедливым. В детстве он часто бунтовал против родительских запретов и даже фантазировал, будто он украденный в младенчестве сын Шепстонов – радушной семьи рыбаков из Порт-Джейкоба, которые часто брали его с собой рыбачить. Но на самом деле он всегда был истинным Харкотом и никогда не позволил бы поставить такой важный вопрос, как наследование, в зависимость от своих ошибок. В целом Макс не видел ничего дурного в браке по расчету. Просто в отношении Серены и он, и его родители кардинально просчитались.

Несмотря на беспокойство отца в отношении продолжения рода, Макс не хотел обручаться таким молодым. Но отец повел себя мудро и вместо того, чтобы давить, просто пригласил лорда Моркомба с дочерью к себе в Лондон. Когда Макс впервые увидел ее, на ней было светло-желтое платье и вся она светилась от радости, что ей наконец удалось вырваться из пансиона. Ее жгучие темные глаза смотрели на него с таким вниманием, которого он прежде никогда не встречал. Уже на следующий день Макс согласился на помолвку и тем определил их будущую судьбу.

Серена пила жизнь большими глотками, требуя все больше и больше, и поначалу это его восхищало, поскольку бесконечно отличалось от того, что он когда-либо позволял себе. Он должен был понять, что они просто слишком разные. Какой-то частью своего сознания Макс это понимал, но к тому времени, когда он всерьез об этом задумался, было уже слишком поздно. На этот раз он будет более осторожным. Какой смысл совершать ошибки, если они ничему не учат?

– Не беспокойся, Хетти, – наконец ответил он. – В конце концов, мне придется жениться, и я как-нибудь с этим справлюсь.

– Это не то, с чем надо просто справиться! – с непривычной резкостью возмутилась сестра. – Пойми, ты свяжешь себя со своей избранницей на всю жизнь!

– Я слишком хорошо это понимаю. Поэтому постараюсь выбрать какую-нибудь подходящую спокойную женщину. Даже если я не давал бы этого обещания, мне было бы очень тяжело сознавать, что моим наследником станет дядя Мортимер или кузен Барнаби. Да и они не сказали бы мне за это спасибо.

– Из них вышли бы ужасные герцоги, верно? Представляю, что сказал бы дядя Мортимер. Что быть герцогом – все равно что подвергнуть свой обожаемый сад набегу саранчи!

Макс вздохнул и, поднявшись по ступенькам, постучал дверным молотком в парадную дверь.

– В данный момент я тоже чувствую себя, как перед казнью египетской. Или как герой сказки, которому колдун только что сообщил, что он получил свою порцию счастья и теперь должен платить по счетам. Но ты права, я не могу допустить, чтобы все достояние Харкотов зависело от дяди или кузена. Ни один управляющий не сможет противостоять разрушительным талантам этих благонамеренных идиотов. Они способны известить всех арендаторов ради того, чтобы вырастить пару новых сортов лилий или роз вместо зерна и скота. Как жаль, что матушка не подарила отцу другого наследника мужского пола, чтобы мне не пришлось давать этого обещания. Знаешь, честно говоря, мне вовсе не нужны пять сестер.

Хетти засмеялась:

– Макс, дорогой, я не стану спрашивать тебя, без которой из нас ты предпочел бы обойтись. А теперь постарайся быть любезным. Я знаю, ты можешь, если приложишь хотя бы небольшое усилие...

Она резко замолчала, потому что дверь открылась, и Макс, стиснув зубы, проследовал за ней и дворецким на встречу с одной из своих потенциальных будущих жен.

Глава 3

Закончив читать тете Минни последнюю главу романа миссис Пардо, Софи спустилась вниз и взяла маленькую посылку, ожидавшую ее на секретере.

Надпись на оберточной бумаге гласила: «Доставить племяннице леди Хантли». И ниже: «В целях обеспечения безопасности жителей Гросвенор-сквер». Софи нахмурила брови, развернула бумагу и расхохоталась. Внутри лежал свернутый кольцом коричневый кожаный поводок и ошейник. Она положила в сумку альбом для рисования и отправилась на поиски Мармадюка.

Мопс был обнаружен в своем любимом месте, на подушке.

– Смотри, что мне прислали, Мармадюк. Теперь тебе не сбежать! – с жаром объявила Софи.

Однако ее слова не возымели никакого эффекта. Она вздохнула и начала надевать на мопса новый ошейник. Мармадюку потребовалось всего мгновение, чтобы оценить грозящую опасность, но к тому моменту, когда он встал на ноги и начал отчаянно трясти головой, дело было сделано. Прежде чем он успел завывать, Софи хлопнула в ладоши у него перед носом, и пес внимательно уставился на нее.

– Вот и хорошо. Ты помнишь, как весело гоняться за птицами? Так вот, они на улице, ждут следующего раунда.

Она начала осторожно двигаться к двери. К ее удивлению и восторгу, мопс последовал за ней. Они важно проследовали к выходу на глазах изумленного дворецкого и доктора, который как раз входил в дом.

– Поразительно, – сказал доктор. – Оказывается, он умеет ходить!

– И бегать, если его дразнят птицы. А теперь прошу нас извинить, но я не хотела бы упустить момент. – Софи кивнула и спустилась по ступенькам.

Мармадюк следовал за ней, спотыкаясь на каждом шагу, но не теряя решимости.

* * *

Ошейник и поводок работали великолепно, и после энергичной кампании по борьбе с пернатыми захватчиками Мармадюк позволил ей отвести себя к скамейке в тени каштана и с довольным видом уселся у ее ног.

Софи достала альбом.

– А теперь я должна запечатлеть этот знаменательный момент, Дюк, – с важным видом сообщила она мопсу, но он только понюхал траву перед собой, и его пасть растянулась в улыбке.

Софи сделала быстрый набросок, нарисовав грузное тельце и блаженное выражение жабьей мордочки. Мармадюк выглядел удивительно довольным, и она невольно посмеялась тому, какое удовлетворение доставила ей эта маленькая победа.

– Ну вот. Я назову это «Дюк на отдыхе» и подарю тете Минни, чтобы она могла наслаждаться твоей искренней улыбкой, даже когда ты не в духе. Думаешь, ей понравится?

– Несомненно, – произнес за спиной низкий, смутно знакомый голос.

Софи обернулась. Чуть позади скамейки стоял высокий мужчина, который накануне остановил Мармадюка. Его серые глаза смотрели на ее рисунок, но красивое лицо ничего не выражало. И он еще больше, чем прежде, напомнил ей статую античного воина. Прекрасную, но лишенную каких-либо чувств. Вместе с тем, несмотря на его крайнюю холодность, Софи почувствовала на щеках отчетливый прилив жара и не нашла что сказать. В воздухе повисла напряженная тишина. Пока она силилась что-нибудь придумать, чтобы не усугублять впечатление странной особы, которое наверняка произвела на него вчера, мужчина удивил ее, усевшись на скамейку и взяв у нее из рук альбом. Софи отвела глаза, и ее взгляд остановился на его руках. Она увидела, что он без перчаток и его руки выточены тем же придирчивым мастером, который изваял все остальное, с очевидной целью продемонстрировать свою силу и

умение. Однако совершенство его левой руки портил неровный белый шрам, тянувшийся сбоку и загибавшийся в сторону ладони. Софи сжала пальцы в кулак, противясь невольному желанию дотронуться до него.

– Рисунок довольно хорош, – в конце концов сказал он, возвращая ей альбом.

Это невзначай брошенное замечание вернуло ее к реальности, и смущение уступило место раздражению по поводу той небрежности, с которой он отзывался о том, что она считала важным.

– Он очень хорош для такого беглого наброска, – поправила она мужчину.

Его глаза прищурились, но Софи не могла понять, позабавила его такая реакция или рассердила.

– Да, это так. Приношу свои извинения за то, что не выразил должной степени восхищения. Он действительно гораздо лучше рисунков большинства молодых дам, которые обычно ничем не лучше их обычных достижений в игре на фортепиано. А вы играете?

– Даже если играю, то не посмела бы сделать этого сейчас, – сухо ответила она. – А вы? Или вы придерживаетесь мнения, что только молодые дамы способны вызвать отвращение своими потугами в области изящных искусств?

– У меня вообще нет никаких артистических талантов. Разница лишь в том, что я и не пытаюсь.

– Ваше заключение относится только к вам или вы и меня имеете в виду? – с подозрением спросила Софи.

– Я бы не осмелился. Я ведь сказал, что рисунок довольно хорош, верно? Вы слишком чувствительны.

Низкий голос мужчины звучал совершенно ровно, но в его прищуренных голубовато-серых глазах, смотревших на нее, мелькнуло что-то, заставившее Софи заподозрить, что он над ней смеется. Возможно. И все же эти глаза влекли ее, как свежий ветерок в разгар лета, и это приводило Софи в замешательство.

Она никак не могла уловить этот оттенок серого, чуть более светлый, чем море в заливе зимой. И еще у нее вдруг возникло желание нарисовать его лицо с этими резкими, точеными чертами и твердой линией губ, на которых ей хотелось увидеть вчерашнюю улыбку.

– Можно мне нарисовать вас? У вас очень характерное лицо, – не удержавшись, выпалила Софи.

Если ей казалось, что это лицо не может выглядеть еще более каменным, то она ошибалась. В его глазах вспышкой далекой молнии мелькнуло удивление, потом брови сдвинулись вместе, усилив сходство с гневным божеством.

– Нет, нельзя! – коротко ответил он.

Софи, пожав плечами, отвернулась в сторону и, чтобы скрыть чувство стыда, принялась листать свой альбом.

– Ладно, – сказала она как можно равнодушнее, в полной уверенности, что он встанет и уйдет, но мужчина не двинулся с места.

Софи дошла до вчерашнего наброска, где постаралась нарисовать его жену, и остановилась. Прелестное улыбающееся лицо послужило болезненным напоминанием о том, что ей не следует так смотреть на женатого мужчину, как, впрочем, и на любого другого мужчину. Но, по правде сказать, он был действительно поразительным экземпляром. Вчера он показался ей красивым, хотя несколько холодным. Но сегодня она поняла, что это не все. Он выглядел исключительно мужественным. И совершенно не ее поля ягодой. Если бы здесь была Августа, она разнесла бы ее в пух и прах, и, пожалуй, была бы права. Софи решительно вздохнула, намереваясь искупить свое поведение жестом доброй воли.

– Я сделала набросок вашей жены. У нее прелестное лицо. По правде сказать, она немного похожа на вас. Мне кажется, что женатые пары часто похожи. Возможно, это от того, что мы стараемся найти людей, напоминающих нам нас самих, чтобы иметь возможность любить себя еще больше. Вот он. Получилось похоже, вам не кажется?

Софи заставила себя поднять на него глаза, стараясь выглядеть как можно спокойнее в подражание его невозмутимости. Он взглянул на нее, потом на рисунок – лицо женщины в три четверти и часть ее плеча. Софи нарисовала ее улыбающейся, что было довольно сложно, но она запомнила ее такой. Теперь она со странным напряжением ждала его реакции.

Мужчина снова взял альбом у нее из рук. Софи не сопротивлялась. Она смотрела на его профиль, пытаясь запомнить его твердые линии, чтобы воспроизвести их потом, но обнаружила, что не может сосредоточиться на целом, отвлекаясь на детали, о которых обычно думала позже, когда уже рисовала портрет. Софи видела четкие очертания скул, маленькую бороздку в уголке рта, видела тень, лежавшую под твердой линией челюсти. Ей до того хотелось прикоснуться к этому скульптурному лику, что у нее начали чесаться руки. Она крепко сжала их и заставила себя опустить глаза на Мармадюка, который спокойно посапывал возле ее ног.

– Вы не могли бы вернуть мой альбом? Пожалуйста. Мне пора...

Мужчина взглянул на Софи. Губы его тронула легкая улыбка, окрашенная той же теплотой, проблеск которой Софи заметила днем раньше.

– Вы не хотели бы отдать портрет Хетти? Я думаю, она была бы рада его получить. Кстати, она моя сестра, а не жена, отсюда и сходство.

Софи почувствовала, как вспыхнули щеки, и непроизвольно закрыла их руками.

– О, простите меня. Я вечно болтаю лишнее. Конечно, вы можете отдать рисунок сестре. В благодарность за поводок и ошейник, за которые я совсем забыла вас поблагодарить. Вот, возьмите.

Она вынула лист из альбома и протянула его мужчине, надеясь, что предательский румянец сошел.

Когда он протянул руку, Мармадюк проснулся и громко фыркнул. Софи, вздрогнув, уронила рисунок. Мармадюк, заметивший летящий лист бумаги, приготовился броситься на него, но прежде, чем он это сделал, ей удалось поймать лист. В тот же момент мужчина тоже схватил его. Его ладонь сомкнулась, обхватив ее запястье, и Софи резко отдернула руку, слегка

шокированная его горячим прикосновением. Контакт длился всего секунду, но она чувствовала себя так, словно нырнула в горячую воду, и на руке отпечатались места прикосновения его пальцев. Она снова крепко сжала руки вместе. Едва взглянув на рисунок, мужчина встал на ноги.

– Спасибо за портрет. Удачи вам... с Дюком.

Софи кивнула и начала суетливо убирать альбом. Помедлив еще мгновение, мужчина быстрым шагом двинулся прочь, не сказав больше ни слова, и она наконец смогла вздохнуть. Потянув поводок Мармадюка, она рассеянно двинулась в сторону Хантли-Хаус. Она не глядя ступила на мостовую прямо перед легким тильбюри, отчего возница резко натянул поводья и злобно рывкнул на нее. Софи подняла глаза на разгневанного мужчину, промямлила извинения и побежала через дорогу к дому. Войдя внутрь, она отвела Мармадюка на его подушку и торопливо поднялась в свою крохотную, похожую на каморку для прислуги комнатку на третьем этаже. В этом маленьком укрытии ничто не мешало Софи предаваться своим тревожным мыслям и заново прокрутить в голове события в парке.

Ей вспомнилось прикосновение его руки, сильной, твердой и теплой, от которого тело ее едва не воспламенилось. Этот резкий, непредсказуемый человек принадлежал к другому миру. И ее собственное благородное происхождение не имело никакого значения. В Максе все говорило о богатстве, влиянии и привычке к комфорту, о котором Софи не имела представления. Она же не настолько глупа, чтобы позволить себе увлечься им только потому, что никого здесь не знает и они с сестрой оказались единственными людьми, проявившими к ней малую толику сочувствия. Тем более что даже это сочувствие он облек в холодную, сардоническую форму.

Надо сказать, что это не первый случай, когда мужчина производил на нее впечатление. Взять хотя бы ее увлечение средним сыном сквайра Джоном, продлившееся целых три месяца, пока Софи не поняла, что он надутый слизняк, не многим лучше кузена Артура. Тогда чары рассеялись очень быстро, что оказалось весьма удачным, поскольку Джон действительно намеревался сделать ей предложение. Правда, потом он согласился с мнением своих родителей, считавших Софи совершенно неподходящей партией. Несомненно, нынешнее глупое увлечение ждет та же участь, как только она узнает чуть больше об этом странном человеке.

Просто он уж очень хорош собой. И потом этот контраст между его холодной маской и внезапной теплотой улыбки... Наверняка эта улыбка сослужила ему хорошую службу в глазах множества легковверных женщин. Теперь Софи с трудом верилось, что она и вправду просила у этого человека разрешения нарисовать его. Что он о ней подумал? Его резкий отказ ясно показал, что он думает о ее просьбе. Ей следует помнить, что она не дома с теми, кто привык к ее чудачествам. Она никогда не освоится в этом городе, если не научится держать язык за зубами. Впрочем, у нее и без того нет шансов освоиться здесь. Еще несколько дней, и ее отправят назад, в Девон. И все, что здесь произошло, превратится в короткий сон. Она должна сделать все возможное, чтобы максимально насладиться оставшимися днями благословенного одиночества. Конец наступит слишком скоро.

Макс вошел в гостиную. Сидевшая за секретером Хетти писала письмо.

– Возьми, это тебе.

Протянув ей лист, он увидел, как на лице сестры вспыхнула радость, когда ее взгляд скользнул по выразительным линиям рисунка.

– Макс, где ты это взял? О, я выгляжу очень мило!

– Его нарисовала сумасбродная племянница леди Хантли. Я шел через парк, а она рисовала того мопса и сделала мне... вернее, тебе этот подарок в знак благодарности за ошейник и поводок, которые мы ей послали. Не правда ли, рисунок хорош?

– Он великолепен, хотя я, наверно, не должна так говорить, поскольку это комплимент мне самой. Но он определенно больше похож на меня, чем тот застывший портрет, который написали по заказу мамы перед нашей с Недом свадьбой. Теперь я просто обязана взять штурмом этот мавзолей и поблагодарить ее. Как мило с ее стороны!

Макс сел и посмотрел на рисунок. Обстоятельства абсурдного происшествия в парке были еще слишком живы в его памяти, и он не знал, сердиться или восхищаться поведением странной девушки. Уже многие годы никому не удавалось его смутить. Ее голос и особенно ее старомодное платье говорили,

что перед ним одна из бесчисленного множества молодых девиц из провинции, наводнивших Лондон. Но на этом сходство заканчивалось. Девушки ее возраста и происхождения обычно умели себя вести с подобающей скромностью и уж точно не стали бы вступать с незнакомым мужчиной в разговор, который казался не просто странным, но граничил с непристойной интимностью, как будто она знала его и доверяла ему. Немыслимо, что на какой-то момент он принял все за чистую монету и был настолько неосмотрителен, что даже сел рядом с ней на скамейку. Невозможно себе представить, чтобы он сделал нечто подобное с кем-нибудь вроде леди Пенни, не будучи должным образом представленным. Впрочем, леди Пенни не стала бы гулять в парке одна в сопровождении всего лишь жирного мопса. Или спрашивать, может ли она нарисовать портрет мужчины, даже если бы их представили друг другу по всем правилам. Неудивительно, что он чувствовал себя смущенным.

– Она спросила, может ли нарисовать меня. Сказала, что у меня «характерное» лицо.

Хетти едва сдержала приступ смеха.

– Мой бог, да она большая оригиналка, верно? Ты согласился?

Макс нахмурился:

– Конечно нет!

– Почему? Ты мог бы послать рисунок маме. Ты же знаешь, ей всегда хотелось иметь твой портрет. А судя по тому, что я вижу, эта девушка способна сделать хороший.

На миг Макс представил себе такую возможность. Их мать и вправду постоянно просила его позировать, хотя бы для акварели, которую она могла бы повесить в гостиной вдовьего дома рядом с уже написанными портретами пяти его сестер. Быстрый набросок не отнял бы много времени. Однако мысль о том, чтобы сидеть, пока выразительные голубые глаза той девушки осматривают его лицо, вызывала ощущение дискомфорта. В этом было что-то слишком... интимное.

Макс до сих пор не мог понять, почему он остановился и заговорил с ней без всякой на то необходимости. Когда он заметил ее идущей по парку, он не

собирался этого делать, но ее сосредоточенная работа над рисунком возбудила в нем любопытство. А когда он остановился у нее за спиной, то уже не мог пошевелиться, словно боялся испугнуть дикого зверька или одного из тех духов, которые, по уверениям сестер, обитали в самых глухих и темных уголках леса. Макс смотрел, как ее рука легко, но твердо скользила по бумаге, голова немного наклонилась набок и солнечный луч прочертил теплую линию на ее шее вдоль пряди светло-каштановых волос, выбившейся из-под шляпки и нежным завитком спадавшей вниз.

Когда девушка обратилась к собаке, Макс по собственной глупости заговорил с ней. Просто из любопытства. По крайней мере, до той секунды, когда коснулся ее руки. Смешно, но этот мгновенный случайный контакт вызвал ощущение, подобное искре между теми гальваническими штуковинами, которые Макс видел в Королевской академии. Он был слишком взрослым и опытным для подобной реакции.

– Ты пойдешь сегодня на прием у Кармайклов? – спросила Хетти, когда молчание затянулось.

Макс вздохнул:

– Я не могу этого сделать, Хетти. Леди Пенни обладает всеми достоинствами, о которых ты говорила, просто она слишком уж... предсказуема. Мне захочется отделаться от нее еще до конца брачной церемонии. Кто следующий по списку? Это должна быть женщина, способная поддержать разговор, не поддакивая мне на каждом слове.

Хетти пожала плечами:

– Наверно, ты прав. К сожалению, первое впечатление от леди Пенни оказалось самым лучшим. Возможно, Клара Баннерман. Она очень мила и...

– Нет.

– Почему нет?

– Ее смех.

– О, дорогой. Ты прав. Его действительно сложно было бы терпеть изо дня в день. Тогда как насчет леди Мелиссы Акрайт?

Пока Макс думал о леди Мелиссе, его взгляд остановился на рисунке, лежавшем на коленях сестры. Пожалуй, она подойдет. Она определенно красива, уравновешенна и всегда проявляла задатки хорошей хозяйки. Она могла бы с легкостью справиться с его владениями. Стоит попробовать.

– На первый взгляд, она годится. Почему ты не предложила ее первой? По-моему, этот вариант лучше.

– Я знаю, но Пенни... симпатичней. Я подумала, что она станет лучшей матерью. Не знаю. Понимаешь, совсем не просто выбрать невесту для моего дорогого единственного брата! – строго сказала Хетти.

Макс рассмеялся:

– Я очень ценю твою помощь, Хетти. Я понимаю, как тебе сложно отрывать время от своей семьи из-за того, что я все эти годы откладывал исполнение обещания, данного отцу. Мне всегда казалось, что впереди еще много времени. Теперь я должен как можно скорее принять решение.

– Глупости. Я прекрасно провожу здесь время. Впервые за последние шесть лет я предоставлена сама себе. Но в конечном итоге Неду и детям будет только лучше, когда к ним вернется посвежевшая жена и мать. У меня идея: я вставлю этот рисунок в рамку и отправлю Неду, чтобы он не чувствовал себя одиноким, пока я в Лондоне с важной миссией. Благодаря ей я стала выглядеть лучше, верно? Интересно, может ли она нарисовать...

Макс пожал плечами. На сегодня ему хватило этого эксцентричного голубоглазого эльфа.

– Понятия не имею. А леди Мелисса будет на сегодняшнем приеме? Пожалуй, нам все же стоит пойти.

Макс спустился с крыльца туда, где грум держал под уздцы его серого жеребца. После вчерашнего приема он плохо спал, и ему требовалась прогулка верхом, чтобы сбросить напряжение, скопившееся во время этого малоприятного, но необходимого действия. Он знал, что его появление с сестрой на приемах, где бывали дебютантки со своими мамашами, вызывает пересуды. Уже одно то, что ему приходилось их посещать, могло испортить настроение, но, что гораздо хуже, даже его знакомые стали делать на него ставки. А значит, чем скорее он определится, тем лучше.

К счастью, леди Мелисса доказала, что соответствует всем его требованиям. Больше, чем ее красота, ему нравилась ее природная сдержанность. Очевидно, что она не станет такой, как Серена – прекрасное, но фатально ненадежное судно, которое только и ждало достаточно сильной волны, чтобы дать трещину. С Мелиссой ему определенно не придется сомневаться в том, что он действительно отец собственных детей. В отличие от пылкой и непостоянной Серены леди Мелисса была холодна и рассудительна. Он должен подумать еще пару дней и решиться. Нет никакого смысла продлевать эту агонию.

Макс едва успел взять поводья и отпустить грума, когда увидел девушку из дома Хантли с ее неуклюжим мопсом. Он замер в замешательстве, жалея, что не выехал на несколько минут позже и не смог избежать встречи с ней. Теперь ему ничего не оставалось, как соблюсти правила приличий. Он слегка придержал своего жеребца, фыркавшего от нетерпения, и поклонился ей.

– Доброе утро, мисс. Я вижу, Дюк смирился со своей участью.

Девушка остановилась и смущенно улыбнулась ему:

– Доброе утро. Вы правы, сегодня он сам спустился с крыльца после утренней встречи с тетей Минни. Он становится более активным, я права, Мармадюк?

Макс с сомнением посмотрел на полусонного мопса.

– Это замечательно. А что сказала леди Хантли после того, как в ее доме появился ужасный поводок?

– Я не хотела ей говорить, но доктор наябедничал, и ее это чрезвычайно встревожило.

– Она рассердилась?

Девушка засмеялась, и Максу пришлось приложить усилие, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Вовсе нет. После того как доктор дал восторженный отзыв о достижениях Мармадюка и я отдала ей набросок, сделанный в парке, тетушка даже ущипнула меня за щеку. Судя по всему, ее шпионы из слуг уже донесли, что поводок был прислан анонимно, и она захотела узнать, кто его прислал. Я ответила, что не знаю вашего имени и имени вашей сестры, но предполагаю, что вы живете где-то по соседству, и она сказала, что не ожидала от меня такого проворства, что она за меня рада. Кстати, это был мой самый долгий разговор с ней за все время.

Макс перестал сдерживаться и рассмеялся:

– Сколько еще вам предстоит томиться в заточении у леди Минервы?

– Это зависит только от тети Минни. Другие мои сестры пробыли здесь от двух до шести дней. Последнее удалось Августе, но она сказала, что тетя Минни почти с ней не разговаривала, просто тете нравилось, как Августа играет на фортепиано. Хотя победитель – кузен Артур. Он продержался целых две недели и рассказывал об этом с такой омерзительной слащавостью, что я бы с огромным удовольствием побила его рекорд.

– Понимаю. И какие таланты вы должны для этого проявить помимо перевоспитания ее мопсов?

Софи моргнула.

– Точно не знаю. Мне приходится много читать тете, но книги такие забавные и совсем не похожи на те, что нам разрешают читать дома. А теперь, когда она обнаружила, что я хороший художник, она хочет, чтобы я написала настоящий портрет... – голос девушки слегка дрогнул, – Мармадюка.

– Боже правый! – Макс взглянул на предмет обсуждения, который в это время почесывался как ни в чем не бывало. – В образе героя?

Девушка весело и заразительно рассмеялась, но тут же взяла себя в руки и быстро умолкла.

– Вот именно. Он должен стоять на пьедестале, на фоне пейзажа или замка. И еще на портрете надо изобразить гербы Хантли и Тревелианов. Я сказала, что буду рада, и это правда, поскольку так я смогу купить все, что мне нужно для живописи. Я поеду за покупками в Чипсайд, что будет просто замечательно, и даже зайду в Королевскую академию, чтобы получить представление о том, как строить композицию для портрета. Мой дорогой Мармадюк оказал мне большую услугу, верно, дорогой?

Мармадюк высунул язык и уставился на нее с неожиданным обожанием.

Макс улыбнулся:

– Похоже, ваше пребывание здесь может оказаться довольно продолжительным. Вы уже бывали в Королевской академии?

– Нет. Мне очень хотелось бы пойти на летнюю выставку, но одно из условий нашего пребывания здесь – не выходить за пределы Гросвенор-сквер. А теперь у меня есть законный предлог погулять, и я намереваюсь воспользоваться им в полной мере. Королевская академия в той стороне, верно?

– Да, но... Вы же не собираетесь идти туда пешком? С собакой?

– Разве это слишком далеко? – с тревогой спросила Софи.

– Да. Ваш мопс не осилит и половины пути. К тому же вы не сможете взять его с собой в Сомерсет-Хаус! – строго произнес Макс. – И еще вы не можете идти туда одна. Вы должны взять с собой хотя бы горничную.

– Тетя Минни никогда бы не позволила мне распоряжаться своей горничной, а лакей Джеймс для этого не годится. Нет, я не могу упустить эту возможность только потому, что у меня нет компаньонки. Я никогда себе этого не прощу. Да и

что может со мной случиться?

– Дело не в этом. Молодые женщины... добропорядочные молодые женщины... не могут разгуливать по городу без сопровождения.

– О, прошу вас, не заставляйте меня еще сильнее чувствовать себя преступницей. В Лондоне меня никто не знает, а значит, никто даже не обратит на меня внимания. Я просто не могу не пойти!

Макс твердо приказал себе остановиться. Его это совершенно не касалось. И потом, она права, в Лондоне ее никто не знает. Но мысль о том, что она будет бродить одна по незнакомому городу...

– Сводите этого негодного пса на прогулку и через час ждите меня в парке. Я отведу вас, – вдруг резко бросил он.

Девушка удивленно вытаращила глаза, направив на него всю силу их морской синевы. Они определенно были слишком выразительны. В их глубине Макс видел ее удивление, ее недоверие, ее раздумья и очень надеялся, что никто не узнает, что он сам вызвался сыграть роль сопровождающего этой странной девушки.

– Это очень любезно с вашей стороны, но вам нет никакой необходимости беспокоиться на мой счет, – вежливо ответила она, и напряжение Макса немного спало, уступив место удивлению этому нехарактерному для нее проявлению благовоспитанности.

– Вы говорите так, словно играете чью-то роль, – ответил Макс, и ее теплый, переливчатый смех, похожий на журчание воды в ручье, вызвал резкий укол того же собственнического чувства, которое возникло у него накануне в парке, когда он случайно коснулся ее руки.

Оно длилось всего мгновение, но Макс безошибочно узнал его. Казалось бы, в ней не было ничего такого, что могло вызвать этот непрошенный всплеск желания. Довольно хорошенькая, но ничего выдающегося, если не считать глаз, своим цветом напоминавших ему летнее море вблизи побережья недалеко от Харкота. Нет, дело не в ее облике, а в ее живости, действовавшей как магнит, как приглашение радоваться жизни.

– О, вы угадали! Изображала свою тетю Серафину, мать Артура. Она ужасна. Я выглядела совсем неубедительно, да? Но я хотела сказать, что вам действительно не надо со мной идти. Я прекрасно справлюсь сама. Правда.

– Возможно. Значит, мы договорились. Я просто удостоверюсь, что вы благополучно вошли внутрь, и оставлю вас осматривать выставку, а сам поеду в Сити. У меня там встреча. А вы потом сможете взять извозчика и доехать прямо до дома.

Макс развернул своего коня, прежде чем она успела возразить.

– Встретимся через час, – повторил он и ускакал прочь, гадая, придет ли она.

Однако, когда часом позже Макс вошел в парк, он не слишком удивился, увидев ее стоящей прямо за воротами. На этот раз на ней было не простое сельское платье из белого муслина со спенсером[2 - Спенсер – короткий дамский жакет с длинными рукавами, популярный в эпоху ампирной моды, с 1790-х до 1820-х годов.], а светлое серо-голубое прогулочное платье и синяя накидка. И хотя фасон, возможно, отстал от моды на несколько лет, наряд сидел хорошо, и он впервые заметил, что у нее привлекательная пропорциональная фигура. И еще она выглядела старше и солидней, отчего Макс несколько смутился. Но потом он увидел ее глаза, в которых сверкал сдерживаемый восторг, и воспрянул духом. Все это так мало значило для него и так много для нее, что не будет ничего плохого, если он просто проследит, чтобы она спокойно добралась до академии.

– Идемте, – сказал Макс, протянув вперед руку, и девушка двинулась к нему в своей странной энергичной манере.

Они вышли на улицу, где он подозвал проезжавшего мимо извозчика. Заняв свое место, девушка едва слышно засмеялась:

– У меня такое чувство, словно я сбежала из Бастилии! Ужасно смешно. Я пробыла здесь меньше двух недель и уже теряю ощущение реальности.

Макс улыбнулся. Он должен был знать, что она воспримет это с присущим ей неистребимым энтузиазмом. Устроившись на своем месте, он стал ждать какого-

нибудь очередного вопиющего комментария. Ждать пришлось недолго.

– Спасибо, что предложили отвезти меня туда. Так это выглядит гораздо более... заурядным.

– Похоже, вы разочарованы. Должен ли я извиниться за то, что испортил вам приключение?

– О, я совсем не то имела в виду! Просто я пытаюсь убедить себя, что для меня это не бог весть что. Что для меня совершенно нормально пойти посмотреть работы самых замечательных художников современной Англии. Какая-то часть моего существа не хотела этого делать.

– Почему?

– Понимаете, я обречена увидеть, какая пропасть лежит между моим ничтожным талантом и мастерством настоящих художников. Но я готова вынести определенную долю унижения, прежде чем избавлюсь от своего тщеславия и смогу насладиться работами настоящих гениев.

– Это говорит о вас... как о человеке широких взглядов, – ответил Макс, подавив желание рассмеяться и напомнив себе, что для нее это очень серьезно.

– Вы надо мной смеетесь? – спросила она, глядя на него укоризненным взглядом.

– Это преступление?

Ее глаза снова повеселели.

– Мои слова звучат страшно помпезно, да? Но это правда. В Эштон-Коув я рисую гораздо лучше других, хотя это никого не волнует за исключением тех случаев, когда надо украсить церковь. Но сегодня я знаю, что увижу настоящие таланты. Их так мало, совсем мало, их картины висят на стенах академии. И я наверняка пойму, что никогда не стану одной из них. Я знаю, что какая-то часть моей души умрет. Но хотя мне будет больно, я не стала бы избегать этого, даже если бы могла, потому что на другой чаше весов возможность познать гениев. Я снова говорю высокопарно, но ничего не могу с собой поделать, это то, что я чувствую.

О, смотрите, это Пиккадилли?

Думая над ее словами, Макс согласился с ней. Благодаря своему дяде он был знаком с некоторыми художниками, и ее суждения казались очень зрелыми и необычными для тех, кого Господь наградил – или проклял – талантом художника. Больше она ничего не сказала, не считая нескольких случайных вопросов о домах, мимо которых они проезжали по дороге к Стрэнду. Наконец они проехали церковь Сент-Мэри ле Стрэнд и остановились перед неоклассическим фасадом Сомерсет-Хаус, где размещалась Королевская академия.

– О, мы приехали! Как быстро! Идемте!

Она чуть не выпрыгнула из экипажа, с явным нетерпением дожидаясь, пока Макс расплачивался с извозчиком, а потом все время тянула его за руку, пока он провел ее через высокую арку Сомерсет-Хаус в сторону широкой лестницы, ведущей в выставочный зал на верхнем этаже здания. Ее глаза торопливо скользили по богато украшенным стенам, скульптурам Уилтона и Бэкона и площадкам, где стояли скамейки для посетителей, поднимавшихся по длинным лестничным маршам.

– Хорошо, что вы не взяли с собой Мармадюка, – заметил Макс где-то на середине пути.

Она подняла на него глаза и, улыбнувшись, немного сбавила ход, но ничего не ответила. В отличие от многих женщин, которые останавливались отдохнуть, обмахнуться веером и посплетничать, она продолжала бодро идти вверх, за что Макс мысленно благодарил ее, поскольку это означало, что он мог ограничиться кивками и не разговаривать ни с кем из знакомых, хотя замечал любопытные взгляды, брошенные в их сторону.

– Вы не устали? – спросил он, удивляясь ее, судя по всему, неисчерпаемой энергии.

Вопрос вывел ее из задумчивости.

– Устала? – в замешательстве спросила она, и Макс указал ей на крутую лестницу.

- Вы преодолеваете ее с головокружительной скоростью.

Девушка виновато покраснела.

- Извините, но я так взволнована. И потом, я привыкла лазать по утесам вблизи Эштон-Коув. Я больше всего люблю рисовать в одной маленькой бухте, расположенной к западу от того места, где мы живем, туда ведет очень крутой подъем. Эта лестница не идет ни в какое сравнение. Но я пойду медленней, если для вас это слишком быстро.

- Не хвастайтесь, - непринужденно бросил Макс.

Девушка засмеялась. Они как раз дошли до верхней лестничной площадки, и он повернул ее лицом к себе.

- Прежде чем мы войдем в выставочный зал, и вы окончательно перестанете обращать на меня внимание, вам стоит назвать свое имя, на случай, если нам все же придется с кем-нибудь говорить. Будет несколько странно, если я стану представлять вас как девушку с мопсом.

Она резко остановилась, как лошадь на скаку перед закрытыми воротами, потом пришла в себя и широко раскрыла глаза.

- Вы совершенно правы. Какая глупость. Я даже не осознавала... но мы ведь до сих пор не представлены друг другу, так что это неудивительно. Меня зовут Софи Тревелиан. А вас?

Он медлил в нерешительности. Но, в конце концов, он сам это предложил.

- Макс...

- Харкот!

Макс расправил плечи и повернулся к изысканно одетому денди, направлявшемуся к ним со стороны выставочного зала. Накрахмаленный воротничок его белоснежной сорочки был так высок, что казалось, тот

выглядывает из середины цветка. Щеголь остановился и, поклонившись Софи, вопросительно поднял бровь.

Макс смирился.

– Мисс Тревелиан, позвольте представить вам лорда Брайнстона. Брай, это мисс Софи Тревелиан.

– Тревелиан! Судя по имени, вы из какого-то западного графства. Вы с Максом соседи?

Прежде чем Макс успел ответить, Софи любезно протянула руку и с теплой улыбкой произнесла:

– Да, мы соседи. Как поживаете, лорд Брайнстон?

Окинув ее опытным взглядом, Брайнстон галантно склонился к ее руке.

– Теперь уже лучше, мисс Тревелиан. – Его широко раскрытые глаза одобительно уставились на Софи.

Звонкий голос девушки заставил повернуться двух мужчин, изучавших скульптуру Карлини. Один из них с любопытством направил на них свой лорнет.

– Я не знала, что экспозиция начинается прямо здесь, – заметила она с таким радостно невинным видом, что Макс не удивился, увидев, как взгляд Брайнстона стал острее, словно у собаки, почуявшей дичь.

– Я тоже, – отозвался Брайнстон. – Подумать только, я едва не отказался сопровождать сюда свою тетушку. Мне определенно везет. И, клянусь Богом, я не могу упустить такую удачу. Макс, будь другом, приведи мисс Тревелиан к нам на прием.

– Не в этот раз, Брай, – твердо ответил Макс.

– Какой же ты друг после этого? – Брайнстон с притворным возмущением повернулся к Софи. – Сам не знаю, почему я его терплю. Он твердокаменный, как

те статуи на площадке, и тепла в нем столько же.

– Но у меня, по меньшей мере, хватает вкуса не походить на цветок в горшке. Где, черт возьми, ты раздобыл эту чудовищную жилетку, Брай? Она напоминает обивку диванов моей бабушки.

– Понимал бы что-нибудь, дикарь ты этакий. Этот фасон Шульц создал специально для меня! Не зря родители дали тебе имя того свирепого уэльского воина.

– Он был римлянин, просто женился на валлийке.

– Это еще хуже. Они ходили завернувшись в простыни.

– Ваш выбор цветовой гаммы кажется мне очень артистичным, лорд Брайнстон, – вмешалась вдруг Софи. – Не многим пришло бы в голову сочетать шафрановый с красно-коричневым.

– Хвала Господу за малые милости его, – пробурчал Макс. – По-моему, твоя тетушка пытается привлечь твое внимание, Брайнстон. Так поспеши к ней.

Брайнстон слегка повернул голову, чему мешал высокий воротничок сорочки.

– Прояви хоть немного жалости. В обществе своей тетушки и леди Пеннистоун я чувствую себя совершенно никчемным. Я вижу, у вас доброе сердце, мисс Тревелиан. Убедите этого бесчувственного грубияна прийти к нам.

Лорд с умоляющим видом улыбнулся Софи, но прежде, чем она успела ответить, Макс взял ее за локоть и потянул к двери в выставочный зал.

– Брай, отправляйся очаровывать свою тетушку, пока она не вычеркнула тебя из завещания.

– Всего доброго, лорд Брайнстон, – вежливо сказала Софи, но ее улыбка, адресованная Брайнстону, была такой живой, что тот замер на ступеньках, эффектно приложив руку к сердцу, в позе достойной Байрона.

Макс вознамерился просветить спутницу о том, как неразумно поощрять таких, как Брайнстон, но понял, что опоздал. Она уже перестала обращать на него внимание.

Они вошли в выставочный зал, и Софи с благоговейным видом уставилась на грандиозное пространство. Ее голова запрокинулась, губы раскрылись. Макс часто бывал здесь и забыл, какое сильное впечатление мог произвести этот зал во время проведения летней выставки. Для такой девушки, как Софи, оно наверняка было ошеломляющим. Сотни картин в золоченых рамах теснились на стенах, залитых светом из широких арочных проемов. Десятки модно одетых мужчин и женщин неспешно бродили по залу или сидели на низких диванах оливкового цвета, расположенных в центре зала. Гулкое жужжание голосов заглушило ее невольный возглас. Софи сделала шаг вперед, но потом, словно вспомнив о его присутствии, вернулась назад.

– О, спасибо, что привели меня сюда. Вы не обязаны здесь оставаться. Я понимаю, что вы предпочли бы этого не делать. Но теперь все в порядке. Всего доброго, мистер Харкот.

Макс сомневался, стоит ли ее поправлять, но, сколько он себя помнил, ему приходилось носить не один так другой титул, и теперь мысль о том, чтобы побыть просто мистером Харкотом, показалась ему привлекательной. Эта девушка ничего о нем не знала, кроме того, что он живет по соседству с ними и у него есть сестра. В отличие от большинства других знакомых ему молодых женщин она не имела на него никаких видов, кроме желания его нарисовать. Если он останется мистером Харкотом, все станет проще и легче. Через несколько дней она уже, наверное, будет на пути домой, и он никогда больше ее не увидит. Что плохого в том, чтобы еще несколько минут насладиться одним из своих любимейших мест в Лондоне в компании того, кто действительно любит живопись и пришел сюда не для того, чтобы поглазеть на других? Каких-нибудь десять минут, и он уйдет. Это ничему не повредит.

– Идемте, я покажу вам свою любимую картину, – сказал Макс.

Софи коротко кивнула, и Макс, положив ее руку на сгиб своего локтя, повел ее в сторону. Пока они шли, глаза Софи жадно скользили по картинам, а губы слегка приоткрылись. Однако он чувствовал напряжение ее ладони, лежавшей на его руке. Они остановились в том месте, где зал выходил в другой коридор, отгороженный от него шелковой лентой.

Освещение в этом зале было приглушенным, но полотно Тернера все равно выделялось среди других более тяжеловесных пейзажей и портретов. Под картиной висела табличка: «Венеция на рассвете». Обманчивая простота сюжета и ограниченная цветовая палитра живописного полотна тоже обращали на себя внимание. Безоблачное небо, бледно-розовое море и вдали золотисто-желтый силуэт Венеции на лиловато-голубом фоне.

Софи выпустила его руку и двинулась к картине, вглядываясь в нее. Потом отступила назад, заставив пожилую пару уступить ей дорогу и даже не заметив их.

Макс вышел вперед, чтобы видеть ее лицо и улыбку, медленно расцветавшую на нем. В конце концов, Софи повернулась к нему, ее глаза светились удовольствием, но он подметил в них некоторую грусть.

– Я даже не представляла, что можно так писать! Он совершенно не признает условностей. Несправедливо держать его в такой тесноте. Здесь нет больше ничего подобного. Я понимаю, почему вы ее любите, – сказала Софи, и ее взгляд снова устремился на картину.

Простояв так довольно долго, Софи со вздохом повернулась, чтобы рассмотреть другие полотна. Она, казалось, даже не заметила, что Макс снова заставил ее взять его под руку. Все ее внимание было поглощено картинами. Как ни странно, Макса не задело, что Софи принимает его как нечто само собой разумеющееся. На ее лице читался такой восторг и благоговение, что ему было достаточно видеть это и отвечать на ее вопросы о художниках и картинах, которые она задавала все чаще по мере того, как они продолжали осмотр.

Когда они сделали по залу один круг, Макс повел ее по коридору в зал заседаний академии.

– Идемте, я хочу вам кое-что показать.

Обычно посетители не ходили в эту часть академии, но Софи наверняка хотелось бы увидеть аллегорические фрески Анжелики Кауфман, как из-за ее мастерства, так и из-за ее пола. Однако не успели они войти в комнату, как полный человек, беседовавший с группой мужчин и женщин, повернулся,

заметив их, тут же издал громкий приветственный возглас и направился к ним.

– Вот черт, – с сожалением буркнул Макс. – Это приятель моего дяди и неутомимый сплетник. Если он начнет задавать вопросы, мы пропали. Подождите меня здесь, я постараюсь от него отделаться.

Он вышел вперед и, подхватив мужчину за локоть, отвел его в другую сторону. Оттуда до Софи донесся оживленный голос джентльмена:

– Макс, старина! Что ты здесь делаешь? Как Чарльз? Все еще развлекается с дамами в Венеции? Старый пройдоха!

Макс постарался максимально полно ответить на все вопросы относительно пребывания своего дядюшки в Италии и закончил разговор, пообещав напомнить ему о старом приятеле. Повернувшись назад, он обнаружил, что зал пуст.

– Ищешь ту хорошенькую мисс, с которой ты пришел? Она пошла во внутренние залы.

– Что? – воскликнул Макс и, даже не потрудившись попрощаться, направился к двери в другой стороне комнаты.

Чертова девица. Ее угораздило пойти в единственное место в академии, куда ей категорически не следовало ходить.

Он без труда обнаружил Софи, как только вошел в соседний зал. Она с интересом разглядывала теснившиеся на стенах картины и этюды с изображением обнаженной натуры.

– Ради всего святого, вам нельзя здесь находиться! – строго сказал Макс и, схватив ее за руку, потащил к двери.

– Почему?

– Почему? По-моему, это очевидно! Эта часть академии не предназначена для добропорядочных молодых дам.

Софи повернулась к нему и удивленно моргнула.

– Я знаю, что говорят люди, но мне кажется, это смешно, разве нет? Едва ли здесь есть что-то такое, чего женщина не видела раньше. Скорее этот зал не предназначен для добропорядочных молодых мужчин.

Максу пришлось приложить усилие, чтобы не засмеяться в ответ на такую оригинальную точку зрения. Эта девушка действительно была своеобразной до абсурда.

– И потом, я только что видела, как здесь прошли две хорошо одетые молодые женщины, – заметила она.

– Возможно, они хорошо одеты, но я сомневаюсь, что они добропорядочны.

– О! Вы хотите сказать, что они... женщины легкого поведения?

– Я хочу сказать, что, если вы не хотите быть принятой за одну из них, мы должны вернуться в главный зал. – Макс злился и на себя, и на нее.

Софи бросила задумчивый взгляд на картину с лежащей женщиной.

– Очень жаль. Здесь есть несколько замечательных работ. Что вы скажете насчет этой? Есть в ней какой-то изъян, что-то не так с глазами. Но в остальном это одна из лучших картин, которые я видела сегодня, помимо Тернера...

– Благодарю вас, мисс. Хотя я не знаю, как относиться к тому, что меня сравнивают с эксцентричными опытами Тернера.

К ним направлялся человек в темном сюртуке. Он был на редкость красив: каштановые волосы с красивым темным отливом, карие глаза с янтарными искрами. Однако в выражении его лица крылось что-то неприятное, не соответствовавшее его чертам. Незнакомец слегка поклонился Макс, и неприятное выражение стало еще более очевидным.

– Харкот.

Макс чертыхнулся про себя. Надо же, чтобы так не везло. Из всех обитателей Лондона наткнуться именно на...

– Уивенхо, – ответил он и, взяв Софи под руку, повел ее к двери.

– Уже уходишь, Харкот? Неужели ты не представишь меня своей... подруге?

Неожиданно для Макса Софи рассмеялась.

– О, дорогой, вы были правы! – смеясь, обратилась она к Максиму. – Он думает, что я ваша... как это называется? *Chere amie*? Неужели вы правда считаете, что я на нее похожа? – с любопытством спросила она Уивенхо. – Я бы так не сказала, учитывая свою внешность и платье. Особенно если судить по тем двум дамам, которых я только что видела. Вы действительно написали эту замечательную картину? Честно говоря, глядя на вас, я бы тоже так не подумала.

Слова Софи, похоже, поразили даже такого самоуверенного позера, как Уивенхо, потому что он окинул ее неожиданно серьезным взглядом.

– Мне страшно спросить, что вы хотели этим сказать, – наконец сказал он.

– Да, думаю, лучше не будить спящую собаку, – язвительно вставил Макс. – А теперь, если позволишь, я отведу мисс Тревелиан в главный зал. Она впервые в Сомерсет-Хаус и зашла в эту часть здания по ошибке.

Софи позволила Максиму быстро вывести ее в коридор.

Оказавшись там, она вздохнула:

– Это очень несправедливо, что мужчины прячут такие хорошие картины для себя. Я начинаю подозревать, что Лондон куда более пуританский, чем провинция. После тех страшных предостережений, которыми меня снабдила жена сквайра, я ожидала увидеть нечто более захватывающее.

У шедшего за ними Уивенхо вырвался короткий хриплый смех.

– Это зависит от того, в какой компании вы здесь окажетесь, дорогая. Харкот не лучший сопровождающий, если вы ищете чего-то возбуждающего. По крайней мере, если вы благородного происхождения. Я не могу ничего сказать о других его связях, поскольку он выбирает таких же благоразумных женщин, как он сам.

Софи бросила взгляд на Уивенхо, потом на Макса и слегка нахмурилась. В этот момент Макс очень захотелось, чтобы Уивенхо стоял напротив него в боксерском клубе. Или еще лучше, как десять лет назад, в темной аллее, где, кроме них, никого не было. Он не отказался бы повторить тогдашний опыт, и теперь Уивенхо не отделался бы так легко.

– Уивенхо смеется над вами, мисс Тревелиан. Не стоит обращать на него внимания.

– Совершенно верно, дорогая, – отозвался Уивенхо. – Я человек ненадежный. Видите ли, я открыто признаю свои пороки. Макс более осмотрителен в отношении своих. Хотя, возможно, они ничем не лучше моих. Никогда не знаешь, что скрывается за подобной сдержанностью. Знаю только, что он более щедр, если судить по той милой безделушке, которую я видел на предыдущем предмете его интереса, после того как он с ней расстался.

Софи оглянулась на Уивенхо и бросила на него неожиданно сердитый взгляд.

– Вы, кажется, пренебрежительно относитесь к людям, проявляющим щедрость в отношении женщин, которые зависят от их покровительства, мистер Уивенхо? Мне трудно представить, что с таким подходом вы пойдете далеко, – с убийственной холодностью заявила она.

Макс был шокирован этой неподобающей, но принципиальной отповедью, и в то же время его позабавило ошеломленное выражение, застывшее на лице Уивенхо. Однако тот довольно быстро оправился.

– Я исправлюсь, дорогая, обещаю вам.

– Как скажете. – Софи с сомнением пожала плечами. – А теперь мне пора возвращаться на Гросвенор-сквер, иначе тетя Минерва рассердится. Большое спасибо, что показали мне эти прекрасные картины, мистер Харкот.

– Я провожу вас домой... – начал Макс, но она оборвала его:

– Не нужно. Вы говорили, что у вас дело в Сити, а это совсем в другую сторону. Я найму экипаж – на улице их предостаточно. Спасибо. Всего доброго, мистер Уивенхо. – Коротко кивнув художнику, Софи направилась к лестнице.

– Мистер Харкот? – негромко поинтересовался Уивенхо. – Эта оригинальная леди имеет что-то против титулов или она не ведает, кто ее кавалер?

– Она просто знакомая моей сестры. Я увидел ее в том зале и подумал, что будет разумнее увести ее оттуда, пока она не наткнулась на кого-нибудь вроде тебя. Она не твоего сорта, Уивенхо.

– О, несомненно, более высокого. Однако и не твоего, Харкот. Она куда более откровенна. И так забавна. Тревелиан. Знакомое имя. Кого она упомянула? Ах да, тетю Минерву с Гросвенор-сквер... Она, случаем, не родня леди Минервы Хантли, урожденной Тревелиан?

Макс не потрудился ответить, просто повернулся и ушел. Циничная демонстрация любезности Уивенхо не могла его обмануть. Прошло почти десять лет после того случая, но ни один из них ничего не забыл и не простил. Он инстинктивно потер шрам на руке. Появление Уивенхо ярко напомнило Макс, насколько опрометчивой была идея сопроводить эту неуправляемую, дерзкую провинциалку на выставку. Ему следовало знать, что это повлечет проблемы.

Теперь, когда Софи ушла, он не мог понять, зачем вообще пошел сюда с ней. Она заразила его своим энтузиазмом, как своего мопса. В любом случае в будущем ему лучше с ней не пересекаться. Очевидно, она имеет свойство притягивать неприятности, как мед пчел, а Макс уже имел их более чем достаточно.

– Вчера вечером я встретила у леди Джерси лорда Брайнстона. Он спросил меня, кто та молодая леди, с которой он встретил тебя на выставке. С восхитительными смеющимися голубыми глазами, по его словам, – рассеянно заметила Хетти, разбирая стопку приглашений, которые принес Гаскил, когда они сели завтракать.

– Брайнстон идиот, – ответил Макс, не отрывая глаз от своей газеты.

– Верно. Но следующей была миссис Вестминстер. Она спросила меня, кто та оживленная молодая особа, которую ты обхаживал в выставочном зале почти целый час. Учтывая, что она крестная леди Пенни, я полагаю, она намеренно сказала это так громко при леди Мелиссе. С несколько большей осторожностью она поделилась сведениями, что тебя видели с той же молодой женщиной, беседующим с бароном Уивенхо. Эту пикантную новость она театральным шепотом сообщила трем своим закадычным подругам, когда они сидели во вдовьем углу.

Макс отложил газету.

– У тебя есть вопросы?

Хетти кивнула, ничуть не смутившись:

– Конечно, есть. Я полагаю, что речь идет о племяннице леди Хантли. Так это правда? Ты действительно водил ее в Сомерсет-Хаус? И познакомил с таким человеком, как Уивенхо?

Макс сдержал гнев, потому что больше всего злился на самого себя. Хорошо еще, что Хетти не знала обо всех гнусностях Уивенхо. Родители так и не рассказали его сестрам всю правду о Серене.

– Да, я повел ее. Потому что она собиралась пойти туда одна, пешком, да еще с тем проклятым мопсом. Но неужели ты правда думаешь, что я стал бы знакомить ее с таким, как Уивенхо? Она сама. Я отвернулся на одну минуту, и она прошмыгнула в приватный зал, где и повстречала Уивенхо. И вообще, все это твоя вина.

– Моя?

– Да, это ведь ты сказала, что она умирает от скуки в мавзолее Хантли. Мне стало жаль ее. Поэтому я предложил отвезти ее туда. Да, я совершил ошибку, но не надо обвинять меня в том, что я этим воспользовался или намеренно свел ее с Уивенхо!

Хетти вздохнула:

– Нет, я знаю, что ты не стал бы этого делать. Но, Макс, тебе вообще не следовало водить ее туда. Неудивительно, что людям любопытно, когда они видят, как ты увиваешься за молодой привлекательной незнакомкой, которую больше никто не сопровождает.

– Полагаю, моя репутация достаточно ясно доказывает, что я не имею привычки играть с добродетельными юными дамами, – бросил он.

– Да, конечно, это не в твоем характере, но именно поэтому это привлекло всеобщее внимание. Теперь, когда все знают, что ты намереваешься жениться, для сплетников самое время судачить о том, кто станет следующей герцогиней Харкот. Я не могу сделать ни шагу, чтобы кто-нибудь не спросил, к кому ты склоняешься. Ладно, я больше не скажу ни слова. Просто будь осторожен.

– Это еще три слова. Но можешь не беспокоиться, я удовлетворил свой рыцарский инстинкт на ближайшие десять лет и буду держаться в стороне от этой возмутительницы спокойствия.

Макс снова взял газету, но больше для того, чтобы закрыться от озабоченного взгляда сестры. Каждый раз, когда ему случалось хотя бы на шаг отступить от своего привычного поведения, все тут же набрасывались на него. Всю свою жизнь Макс старался удержаться на тонкой грани между независимостью и осуждением со стороны родителей, воспитывавших в нем непререкаемое главенство долга. Но выслушивать подобные речи от Хетти, и только из-за того, что он пожалел эту неумно жизнерадостную девушку... это уже слишком. Ему вдруг очень захотелось отправить к дьяволу и Хетти, и всех остальных.

Глава 5

– Мисс Тревелиан, к вам леди Генриетта Суинберн.

В голосе Ламбета звучала смесь удивления, восхищения и любопытства. Как только он отошел в сторону, леди Генриетта вошла в гостиную и, протянув руку,

с улыбкой подошла к Софи.

– Надеюсь, вы не рассердитесь, что я так врываюсь к вам, мисс Тревелиан. Но я должна была прийти поблагодарить вас за чудесный рисунок.

Софи встала и инстинктивно протянула ей руку, в которой еще секунду назад держала кисть. Потом они обе взглянули на ее перепачканные краской пальцы и, к облегчению для Софи, леди Генриетта рассмеялась.

– Не беспокойтесь, я ненадолго. Все это так необычно, мы ведь даже не представлены друг другу должным образом. Как сказал ваш дворецкий, я леди Генриетта Суинберн, но прошу вас, зовите меня Хетти, – сказала она, окинув взглядом комнату. – О боже, мне кажется, эту комнату не обновляли со времени изгнания Бонапарта из Египта!

Непринужденная манера Хетти позволила Софи немного расслабиться.

– Здесь все достаточно скромно. А в зеленой гостиной стоит парчовый диван с золочеными ножками в виде крокодильих лап. Тетя Минни никогда сюда не заходит, но настаивает, чтобы ничего не накрывали чехлами, поэтому краски заметно поблекли. Но комната по-прежнему выглядит достаточно роскошно, правда?

– Да, она весьма импозантна. Во времена нашего детства ваша тетушка слыла большой модницей. Над чем вы работаете? Можно мне посмотреть?

Софи с некоторым смущением повернулась к холсту, над которым трудилась, и нервно кивнула. Хетти двинулась к мольберту.

– О, он очарователен! – воскликнула она. – Вы пишете красками так же хорошо, как рисуете карандашом!

Глядя на оживленное лицо леди Суинберн, Софи поддавалась искушению.

– Понимаете, благодаря Мармадюку у меня появилось все необходимое для живописи, и было бы жаль потратить это на обычного мопса. Вы не будете возражать, если я попытаюсь вас написать?

– Возражать? Я буду очень рада! Но мне совсем не хотелось бы навязываться...

– О, клянусь вам, это доставит мне удовольствие. При всем уважении к Мармадюку он не самая вдохновляющая модель. Прошу вас, соглашайтесь. Мне действительно нечем заняться, пока я здесь... – Софи вспыхнула. – Не подумайте, что я жалуясь. Мне правда очень хочется написать вас, если вы не возражаете.

– Я с радостью. Когда?

– Как раз сейчас, идеальное освещение. Если вы сядете в то кресло у окна...

Хетти улыбнулась и перешла к окну.

– Хорошо. При условии, что вы расскажете о своих впечатлениях о Лондоне.

Софи торопливо схватила альбом, недоумевая, что ей сказать. Она не могла сознаться, что ее самые яркие впечатления от Лондона связаны с братом этой женщины. Несмотря на свою внешнюю холодность, он каким-то непостижимым образом излучал заинтересованность, которую Софи подсознательно ощущала как приглашение быть собой. Приглашение, которое встречалось так редко, что оказало на нее пьянящее действие. Возможно, она просто обманывала себя, но соблазн поверить в него был слишком велик. Софи опустила глаза на чистый лист бумаги и начала рисовать.

– Рассказывать особенно не о чем. Я ничего не видела, кроме парка на другой стороне улицы и выставки, на которой побывала вчера. Но я наслаждаюсь возможностью побыть в одиночестве. Дома нас девять человек, и это практически невозможно... слишком много суеты. Так что это вынужденное уединение имеет для меня свои преимущества. Вы не могли бы немного поднять подбородок?

Хетти подчинилась.

– Девять?! Я понимаю, почему пребывание здесь для вас праздник. И все же жаль, что тетушка не позволяет вам никаких развлечений.

– Тетя Минни считает, что их больше не существует. По ее рассказам, в ее время светская жизнь Лондона была захватывающе скандальной. Но потом она стала удручающе скучной, и теперь тетя находит больше удовольствия в книгах, чем в реальности.

– Это не совсем справедливо. Общество осталось прежним, хотя теперь все происходит за закрытыми дверями. Существует молчаливое соглашение, что, если человек ведет себя достаточно благоразумно и соблюдает правила игры, он может позволить себе многое. Но в случае, если он выходит за рамки правил, он больше не оказывается в диких джунглях. История с лордом Байроном – яркий пример того, что может произойти даже с любимцами общества, нарушившим негласный запрет. – Леди Суинберн замолчала и в сомнении провела изящным длинным пальцем по парчовой обивке дивана. – Мой брат Макс, наверно, самый хороший образец идеального следования правилам игры. Один из его приятелей как-то сказал мне, что никогда не встречал другого человека, умеющего править лошадыми так, будто они вот-вот понесут, в то время как они полностью у него под контролем. Таков же он и в обществе – идет своей дорогой, но никогда не нарушает правил.

Софи замерла, но не подняла глаз. Очевидно, леди Хетти сделала это замечание не случайно. Упав на благодатную почву ее собственных размышлений, слова Хетти больно задели Софи. Не удержавшись, она заявила:

– Если вы хотите предостеречь меня от каких-либо ожиданий в отношении вашего брата после его вчерашнего великодушного поступка, то уверяю вас, что я не так наивна.

– Нет, дело не в этом! – Хетти вспыхнула. – Вы производите впечатление очень... разумной молодой женщины. Это удивительно, учитывая, что вы не знаете Лондона и того, как он живет. Просто... О, дорогая, это трудно объяснить... Просто из-за его внешности, его военного опыта и всего такого молодые женщины видят в нем героя, и у них складывается неправильное представление о нем. Хотя он этого никак не поощряет. Понимаете, Макс совсем не романтичен и не галантен. По правде сказать, в нем нет ни капли романтики, – с некоторым отчаянием произнесла она. – Если бы это было не так, он не стал бы просить меня найти ему жену... – Генриетта смущенно замолчала. – Все мой проклятый язык. Я всегда говорю слишком много, когда нервничаю. Макс оторвет мне голову.

– Ничего страшного. Я сама высказалась слишком опрометчиво, – извиняясь, ответила Софи.

Она не могла винить эту женщину за собственную глупость, позволившую ей увлечься Максом. Софи взяла из коробки другой карандаш, думая, что сказал бы отец о ее похождениях в Лондон. Она представляла, какую проповедь ей пришлось бы выслушать.

– Бедный папа, – шепнула она.

– Простите?

– Нет, ничего. Я просто подумала о своем отце. Он викарий и никогда не понимал, что делать со мной и с моей любовью к живописи. Он разделяет точку зрения вашего брата, что дамы могут немного рисовать, но не более того. Я не хочу сказать, что во мне есть что-то экстраординарное, но в моем понимании живопись не просто умение, которому можно научиться. Она действительно доставляет мне удовольствие.

– Макс? – с удивлением спросила Хетти. – Вы очень ошибаетесь. Может, Макс и приверженец правил, но в отношении себя. В отношении других людей у него нет почти никаких предубеждений, и он не имеет решительно ничего против женщин-художниц. Думаю, этим он обязан моему дяде Чарльзу, поскольку наш папа не отличался широтой взглядов, а мама... она хотела как лучше, но... Дядя Чарльз близко знал Ангелику Кауфман и Мэри Мозер, которые были замечательными художницами, и постоянно брал Макса с собой в академию. Жаль, что сейчас он уехал на этюды в Италию. Уверена, он вам понравился бы.

Софи восприняла ее слова с удивлением и любопытством. Ей хотелось больше узнать про Макса. Она не могла толком разобраться в его противоречивом характере.

Макс. Она не должна называть его так, даже про себя, строго сказала себе Софи и склонилась над своей работой.

– Думаю, на сегодня достаточно. Мне жаль останавливаться, но пора идти читать тете Минни. Могу я просить вас прийти еще один или два раза, чтобы я смогла определиться с цветом и освещением?

Хетти кивнула и подошла посмотреть на рисунок. Софи напряглась, как случилось всегда, когда кто-нибудь впервые видел ее работу, как бы она ни старалась казаться спокойной и искусственной.

– Этот даже лучше, чем первый, – негромко сказала Хетти. – Я выгляжу... радостной, хотя почти не улыбаюсь. Как жаль, что Макс не захотел, чтобы вы его нарисовали. Мама постоянно пытается убедить его позировать для портрета, но он почему-то не хочет. А вы не могли бы нарисовать его по памяти, или это слишком сложно?

Софи склонилась над коробкой с карандашами и углем, чтобы скрыть вспыхнувшие щеки. Она знала, что должна сказать что-то, способное удовлетворить леди Хетти. Но определенно не правду.

– С одними людьми это проще, чем с другими. Я не знаю, смогу ли нарисовать его по памяти. Дело не только в строении лица. У меня должна быть... какая-то основа, какое-то представление о личности.

Хетти кивнула, расправляя юбки.

– Его не так просто понять. Мама всегда жаловалась на это. Но это не потому, что он пустой, как некоторые люди.

– Нет, я так не думаю. Возможно, он просто сложнее, чем о нем думают люди, и он это знает.

Почувствовав на себе взгляд Хетти, Софи пожалела, что сказала это. Не поднимая глаз, она вытерла пальцы, а потом с улыбкой протянула ей руку.

– Вы могли бы прийти завтра?

– С удовольствием! Спасибо вам, мисс Тревелиан.

Как только дверь за Хетти закрылась, плечи Софи поникли. При других обстоятельствах она была бы в восторге, что познакомилась с такой искренней женщиной. Но ей стоило труда убедить себя, что все рассказы о Максе не произвели на нее никакого впечатления. И это говорило о том, что вчера в ее

жизни что-то изменилось. Тогда она этого не сознавала, ей казалось совершенно естественным ходить с ним под руку по огромному залу. Даже понимая, что это всего лишь вежливость джентльмена по отношению к даме, которую он сопровождает, даже сквозь перчатку и его сюртук Софи чувствовала силу его руки и исходящее от него тепло, сопровождавшее ее все время, что они осматривали картины. Это возбуждало чувства и туманило сознание, словно вино.

После первоначальной попытки отказаться от его помощи она уже не могла отпустить его, во всяком случае, до того, как Макс рассердился на нее за то, что она проникла в запретный зал. Позже ей стало очевидно, как глупо видеть в его желании сопровождать ее нечто большее, чем просто любезность. Возможно, Софи не обладала опытом светской жизни, но она не была наивной. Она сознавала, насколько опасно увлечься им, и его сестра могла бы не объяснять ей, что у нее нет шансов с таким, как он. Ей удавалось отпугнуть от себя мужчин, наделенных куда меньшими достоинствами. А с Максом у нее не могло быть ничего общего.

Глава 6

Макс забрался в свой фаэтон и взял вожжи у грума, тут же прыгнувшего на свое место сзади. Он обещал свозить леди Мелиссу на прогулку в парк, но в данный момент с удовольствием направился бы на запад и оставил позади город со всеми его обитателями. Его план выбрать себе невесту, поухаживать за ней и окончательно определиться с женитьбой, который месяц назад казался таким простым и ясным, что для участия в нем он призвал Хетти, с каждым днем все глубже увязал в трясине его слабеющей решимости.

Он уже собирался тронуться в путь, когда увидел барона Уивенхо, который, поигрывая тростью из черного дерева, лениво спускался по ступенькам Хантли-Хаус. Заметив Макса, Уивенхо кивнул, и его глаза заблестели.

– Какая встреча, Харкот. Это твои знаменитые гнедые? Хороши. Я и забыл, что ты соседствуешь с леди Хантли. А значит, и с ее племянницей мисс Тревелиан.

– Что ты здесь делаешь, Уивенхо?

В ответ на резкий тон Макса Уивенхо приподнял каштановую бровь.

– Не будь собакой на сене. Это мой визит к прекрасной мисс заставляет тебя так злиться, или ты всегда так приветствуешь старых друзей? Вот уж не думал, что тебя интересуют провинциальные девицы, даже если они оригиналки. А она большая оригиналка, верно? И очень мила. Не красавица в классическом понимании, но такая выразительная! Ей даже не надо говорить, чтобы быть услышанной, если ты понимаешь, о чем я. Я целых двадцать минут мило болтал с леди Минни, предававшейся самым непристойным – особенно для дамы – воспоминаниям. И все для того, чтобы иметь удовольствие наблюдать, какой эффект они производили на очаровательном личике мисс Тревелиан. Уверен, что никогда не встречал таких выразительных глаз. Это лучше, чем целое театральное представление. Я даже подумываю о том, чтобы написать ее портрет, если она пожелает...

Макс сдержал свой гнев. Он понимал, что Уивенхо его провоцирует, но на этот раз ему было, как никогда, трудно не обращать внимания на его насмешки.

– Похоже, ты дошел до полного отчаяния, если вынужден развлекать себя, поддразнивая провинциальных девиц. Возможно, если бы ты проявлял большую щедрость к своим любовницам, как предложила мисс Тревелиан, тебе не пришлось бы опускаться до такой низости, – с презрением сказал он, и на бледных щеках Уивенхо вспыхнули красные пятна.

Не дожидаясь ответа Уивенхо, Макс стегнул своих лошадей, и фаэтон двинулся вперед. Выехав с площади, он напомнил себе о своем решении больше не иметь ничего общего с неугомонной мисс Тревелиан. Не его дело предостерегать ее в отношении таких людей, как Уивенхо. По правде сказать, несмотря на свою провинциальность, она казалась далеко не глупой. А значит, сама могла о себе позаботиться.

– Ваша светлость, – раздался сзади неуверенный голос грума, и Макс осадил лошадей, поняв, что чуть не проехал мимо дома Акрайтов.

– Придержи их, Грегс, – бросил он и быстрым шагом двинулся к парадной двери. Новый день, новая битва.

Менее чем через два часа Макс поставил фаэтон в конюшню и направился к дому. Он чувствовал себя усталым и унылым, хотя знал, что у него нет для этого никаких причин. Леди Мелисса разыграла мастерское представление, демонстрируя, насколько хорошо она подходит на роль герцогини. Она прекрасно понимала правила игры и, не прибегая к словам, заверила его в том, что не ждет от него проявления чувств, которых он не испытывает, и что будет терпеливой женой, если он будет вести себя благоразумно. До тех пор пока он будет позволять ей полноценно играть свою роль в обществе, ему будет предоставлена необходимая свобода. Фактически леди Мелисса соответствовала всем пунктам его требований.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дюк (лат.) – герцог.

2

Спенсер – короткий дамский жакет с длинными рукавами, популярный в эпоху ампирной моды, с 1790-х до 1820-х годов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/templ_lara/vnezapnaya-pomolvka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)